

ПОВЕСТИ
ПОЛЬСКИХ
ПИСАТЕЛЕЙ

СЕРИЯ «СТАНДИМ»

Содержание

Войцех Жукровский	
Счастливчик	7
Веслав Роговский	
Авария	95
Ежи Вавжак	
Линия	187
Збигнев Домино	
Шторм	297

Счастливчик

Повести польских писателей

Заведующий редакцией А. И. Белинский
Редактор А. Г. Казакова
Художник Д. М. Плаксия
Художественный редактор А. Е. Власов
Технический редактор Г. В. Преснова
Корректор В. Д. Чаленко

ИБ № 4123. Сдано в набор 08.01.86. Подписано к печати 06.05.86. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага тип. № 1. Гарн. литерат. Печать высокая. Усл. печ. л. 22,68. Усл. кр.-отт. 23,10. Уч.-изд. л. 26,66. Тираж 15 000 экз. Заказ № 300. Цена 3 р. 10 к.

Ордена Трудового Красного Знамени Лениздат, 191023, Ленинград, Фонтанка, 59. Ордена Трудового Красного Знамени типография им. Володарского Лениздата, 191023, Ленинград, Фонтанка, 57.

ЛЕНИЗДАТ
1986

**ПОВЕСТИ
ПОЛЬСКИХ
ПИСАТЕЛЕЙ**

Войцех
ЖУКРОВСКИЙ

Веслав
РОГОВСКИЙ

Ежи
ВАВЖАК

Збигнев
ДОМИНО

СЧАСТЛИВЧИК

84.4П
С93

Перевод с польского
Е. В. Невякина

Счастливчик: Повести польских писателей.—Л.:
С93 Лениздат, 1986.—432 с.

Повести известных польских писателей — В. Жукровского, В. Роговского, Е. Вавжака, З. Домино — посвящены различным аспектам жизни современной Польши.

С $\frac{4703000000-117}{M171(03)-86} 219-86$

84.4П

© Лениздат, 1986

В книгу вошли повести известных польских писателей Е. Вавжака, З. Домино, В. Роговского, В. Жукровского, которые могут дать советскому читателю представление о современной прозе ПНР.

Повесть Ежи Вавжака «Линия» несколько лет назад пользовалась большим успехом у польского читателя. Ее герой Михал Горчин, избранный первым секретарем горкома партии небольшого польского города, вынужден преодолевать косность, бюрократизм, безразличие окружающих его людей, ему приходится бороться за личное счастье. В какой-то степени «Линия» объясняет некоторые причины кризиса в Польше в 1980—1981 годах.

Главный герой повести Збигнева Домино «Шторм» служит командиром военного корабля. Бывшему деревенскому мальчишке, ставшему в народной Польше офицером ВМС, в драматических обстоятельствах приходится решать судьбу корабля и своих подчиненных. Большое место в повести отведено боевому содружеству моряков СССР, ПНР и ГДР.

Веслав Роговский в своей повести «Авария» рассказывает о мужестве людей, борющихся с пожаром, который угрожает гибелью фабрике и небольшому городу. В «Аварии» представлены различные люди: рабочие, инженеры, военнослужащие, которые, рискуя жизнью, спасают народное достояние.

В повести выдающегося польского писателя, председателя СП ПНР Войцеха Жукровского «Счастливчик» рассказывается о приключениях польского журналиста в Лаосе во время национально-освободительной войны народов Юго-Восточной Азии против американского империализма. Автор хорошо знает описываемые места, он много лет провел в этих районах Индокитая. Польская критика очень высоко оценивает повесть В. Жукровского, считая ее одним из лучших образцов этого жанра в литературе народной Польши.

Войцех
Жукровский

СЧАСТЛИВЧИК

Он возвращался напрямик, тропинкой, через сухое в эту пору рисовое поле. Безоблачное небо излучало зной, хотя солнце рассыпалось в белую слепящую пыль. Солдат в выцветшем мундире, которого к нему приставили, лениво тащился сзади. Роберт слышал, как под его ногами с хрустом ломалась солома, как он спотыкался о затвердевшие на жаре комки красноватой глины: солдат еле передвигал ноги. Легкий ветерок вздувал пыль, доносил запахи высохшей земли и мертвой стерни.

— Не сердись, Коп Фен, здесь и в самом деле ближе,— повернулся Роберт, остановившись,— к тому же я завтра улетаю, и ты наконец-то отдохнешь.

Солдат поднял голову, прикрытую фуражкой, похожей на жокейку; смятый козырек, наклоненный на глаза, отбрасывал на его лицо тень, только зубы белели в улыбке.

— Завтра дадут еще какой-нибудь приказ — нет, лучше уж ходить за тобой. От тебя хоть интересное что-нибудь услышишь.— Он старательно подбирал французские слова.— Но здесь тоска — одни голые поля. Надо было идти по дороге мимо ручья, там девушки купаются. Можно пошутить, поболтать с ними или просто поглазеть, ведь воды сейчас мало, по колено...

Матерчатый подсумок оттягивал его слабо затянутый ремень, ствол карабина у Коп Фена заткнут промасленной паклей, ворот гимнастерки широко расстегнут; нижней рубашки не вид-

8 но — похоже, гимнастерка была надета прямо на голое тело.

— Говорят, что завтра за мной прилетит самолет. После обеда нам с Саватом предстоит небольшая экскурсия, тогда уж он будет меня опекать. Ты свободен. Можешь пойти куда захочешь.

— Вдруг тебе взбредет в голову прогуляться? А меня не будет. Что тогда? Мне велено, чтобы я ни на миг от тебя не отходил.

Роберт посмотрел на пятно тени, темнеющее возле ноги. Был полдень. Далеко на холме виднелись ослепительно белые стены здания, в котором еще два месяца тому назад жил французский губернатор. Крыши с приподнятыми углами на китайский манер, светло-зеленые жалюзи веранды, обращенные в сторону долины; плетенные из бамбука кресла-качалки с вмятыми по форме тела сиденьями обещали отдых. Упасть в кресло и, покачиваясь, слушать его скрип, смотреть, ни о чем не думая, на горы, на буро-зеленые джунгли, созерцать белесое небо, на котором не видно птиц, ощущать всем телом, как замедляется движение качалки, вдыхать чужой, пряный запах этого безмолвия, дожидаясь, пока босоногий слуга нальет из огромного термоса кипятка в чашечку и всыплет щепотку зеленого чая, — да, отдыхать, а может, в этот редкий час покоя, сиесты, попробовать разобраться в самом себе. Наконец-то выдалась минута, когда ты совсем один и можешь спокойно подумать, сосредоточиться, прислушаться к своему внутреннему голосу. Грустно — слишком уж быстро летит время.

Солдат облизал сухие губы. Его узкие глаза влажно блестели из-под козырька фуражки; казалось, у него небольшой жар. Он напомнил:

— Скоро обед.

— После еды надо бы отдохнуть.

— Да, испытать блаженное чувство сытости и подумать с благодарностью о тех, кому мы этим обязаны.

— Кто тебя научил таким вещам?

— Политрук. Он очень умный человек, ему известно о многом таком, что даже бонзам не снилось. Пошли.

Они медленно двинулись вперед, топча хрустящие пучки соломы. Кузнечики со стрекотом разлетались из-под ботинок. Издалека доносились басовитые голоса больших храмовых барабанов.

— Это голодающие из пагоды. Решили о себе напомнить, — вслушивался в гул барабанов Коп Фен. — Риса требуют.

— Они что, на молитву зовут?

— Нет, время обедать. Вот они и бьют в барабаны, страшат крестьян, чтобы те поторопились принести им полные миски... Я этих монахов просто не перевариваю, уж я бы заставил их работать. Кормятся возле старых баб, выманивают одежду, фрукты. Женщины обстирывают, кормят их, угождают. А монахи взамен плетут байки про духов, которые якобы живут в каждом камне, в каждой могиле, роше или ручье, про блуждающих упырей — у баб глаза на лоб лезут. Любят людей попугать... Да ведь все это вранье, пустые рассказы.

Роберт вытер вспотевшие руки о штаны и перевесил на другое плечо сумку с лекарствами — вожаденный предмет для всех солдат. Уж как они любят лечиться, с каким благоговением глотают таблетки против малярии! Но висящий на шее Роберта фотоаппарат с запасными объективами весил больше, чем сумка с лекарствами.

— А ты думаешь, что у вас здесь упыри не водятся?

Солдат взглянул на него исподлобья, а потом, поняв, что журналист его разыгрывает, весело рассмеялся.

— Как не быть! Есть вампир Ко Ток — он нападает на одиноких женщин. Выгрызет внутренности, а потом набьет живот рисовой мякиной. После этого женщина делается бесплодной, и сколько бы муж ни старался, ей уже все равно не зачать.

Мертвенно шуршала под ногами сухая солома. Теплый ветер ласково оведал лицо и шею Роберта; одуревший от жары кузнечик ударился о колено и, зацепившись за штанину, так и ехал на ней; ветерок выгибал его длинные усы.

— От Ко Тока убежать трудно, — продолжал рассказывать солдат, — ступни у него вывернутые, он взад и вперед одинаково бегать может... А бонзы внушают крестьянам, что до тех пор, пока в пагоде под их святыми руками гудит барабан, демоны в деревню не сунутся. Я тоже раньше в это верил. Жалко, что ты не попадешь в Сиенгкуанг, в мои родные места... Раз я охотился на питона, а он возьми да и скройся в пещеру. Вижу — в скале узкая трещина, я заглянул — там внизу шум, вроде бы река течет. Я факел туда всунул, и верно — озеро. Вода чистая-чистая, дно видно, а там скелеты, вокруг них разбросаны ожерелья, браслеты, перстни. Все так и сверкает при свете факела. Но что-то меня удержало — я не стал спускаться, а бросил факел вниз. Тут все озеро вспыхнуло, над ним начали вставать огненные столбы, они летели ко мне. Я закричал и бросился бежать.

Роберт слушал с интересом, жалея, что нельзя проверить, правду ли говорит Коп Фен. А ведь это могло стать великим открытием, о котором кричали бы все газеты.

— Тут я и вспомнил, что старики рассказывали, будто бы есть такая пещера, где хоронят королей. Место это стерегут злые духи, так что живым туда хода нет... Там на дне кости смельчаков. А еще туда бросали разные драгоценности, чтобы у того, кто найдет вход в эту пещеру, глаза бы разгорелись, чтобы алчность его погубила и замолчал бы он навеки. Так что никто, кроме жрецов, не знал дороги к гробнице королей.

— А монахи знают туда дорогу?

— Нет. Это было давно, много-много поколений назад; те жрецы уже умерли. Они жили прежде в этих горах, а потом ушли на юг и там основали царство Люнг. Это они показали нам, как приручать слонов.

— И ты никому в деревне не сказал?

— Нет. Молодой был, боялся, что меня убьют. Ведь я остался жив, хотя и нарушил запрет, заглянул в гробницу. Вот только недавно, здесь, в партизанской армии, я рассказал об этом случае офицеру. Он объяснил мне, что никакие это не духи, просто газ ядовитый идет из земли, он-то и горит от огня. И что в давние времена жрецы хорошо знали, как спасти от воров гробницы своих королей.

— У них, видно, был второй вход. А возможно, в период муссонов ветер выдувал оттуда более тяжелый газ. Слышал ли ты, что бывают случаи, когда из горы встает неизвестно откуда взявшийся огонь?

— Да. Об этом мне говорил и офицер.

— А смог бы ты снова найти вход?

— Не знаю,— смущенно ответил солдат,— ведь это было давно, с тех пор я туда не ходил... Тогда я был темным крестьянином, духов боялся. Но если поискать, то, пожалуй, можно найти.

— А меня ты отвел бы туда?

— Да, но из пещеры ничего нельзя брать. Там и вправду были гробы с телами королей. Умерших тревожить нельзя, они могут отомстить.

Рассказ Коп Фена вызывал у Роберта неудержимое желание задержаться здесь еще,— ведь никто ни о чем не узнает, пока он сам не заявит о своем открытии. Удача сама идет ему в руки,— так стоит ли отказываться? А может, это одна из легенд, ведь они же совсем как дети, хотя у них теперь в руках современное оружие. В конце концов, что бы Коп Фен ни говорил, как бы ни гордился тем,

что он солдат революции, он все еще верит в этих духов, опасается их мести.

— Ты думаешь, там кто-то ходит?

— Да, невидимые люди,— ответил серьезно Коп Фен.— Они сорок дней едят одни бананы, и, когда луна идет на убыль, они тают вместе с ней, уменьшаются, пока не превратятся в тени. В безлунные ночи они летают и как раз в это время объедают наши бананы. Бывает, что целые гроздья сорваны — я сам видел большие кучи кожуры под деревом. И никаких следов. Они, должно быть, прилетали вместе с ветром.

— Так ведь это же большие летучие мыши! — воскликнул Роберт.

— Нет, после летучих мышей остается помет, летучую мышь я узнал бы сразу,— оправдывался солдат.— Невидимки эти сторожат могилы. В дом они входят неслышно, лестница скрипит, а никого не видно. Даже дыхание их порой можно услышать, как будто они сидят рядом. Они приходят только безлунными ночами, чтобы их не выдала собственная тень... Они могут задушить, пырнуть, убить твоим же ножом или подсыпать тебе яду — нет, от них не убережешься.

— Почему же ты рассказал мне о тех могилах?

— Да потому что ты мне нравишься, а вдобавок, ты уже улетаешь, мы никогда с тобой туда не пойдем, а говорить-то ведь о чем-то надо, уж больно скучно брести по пустому рисовому полю.

Можно ли ему верить? Воображение у этих простых людей по-своему объясняет непонятные для них явления. Им кажется, что существует какой-то высший мир, который необходимо понять, и необыкновенно логично воссоздают его себе. Парень наверняка не врет. Он верит в то, о чем говорит, только все это выдумки.

— Я поехал бы туда с тобой,— неожиданно для себя решил Маляк.— Сиенгкуанг в наших руках. Командир батальона даст мне джип и бензин. Давай попробуем.

Коп Фен остановился. Солнце пекло, кузнечики стрекотали, как будто предостерегая от чего-то. Басовитый голос барабана умолк.

— Когда?

— Да хоть сегодня. Разве тебе не хочется поехать в свою деревню, ты ведь там давно не был. Зайдешь к знакомым, расскажешь, как воюешь с врагами,— соблазнял его Роберт.— А потом отправимся с тобой якобы на прогулку и заглянем в ту пещеру. У меня отличный фонарик.

— Так ведь тебе завтра улетать.

— Самолет заберет раненых. А я улечу со следующим.
 — Разве ты не торопишься?
 — Сейчас уже нет. То, что ты мне рассказал, очень важно. Я хотел бы это увидеть собственными глазами.

— Трогать ничего не будешь?

— Нет, только сфотографирую. Чик — и дело с концом.

— А место никому не выдашь?

— Нет, я напишу: где-то в Лаосе, в Королевстве Миллиона Слонов...

— Ну вот, напишешь — и все узнают, — с шумом сглотнул слюну обеспокоенный и как будто даже немного испуганный Коп Фен.

— Это будет напечатано в другой стране, на чужом языке, очень далеко отсюда, здесь никто ничего не узнает.

— Луна-то ведь одна, что у вас, что у нас. Она повелевает ими — возьмет да и перенесет их туда, к вам.

— Ты уверен, что они сейчас не крадутся за нами? А вдруг они подслушивают?

Коп Фен начал беспокойно озираться.

— Сейчас полдень, были бы видны их тени.

— А это что? — показал Маляк на темное пятно, съевшееся у его ног.

— Нечего меня страшать, — засмеялся солдат. — Сейчас зима, бананов нет, а без бананов у них никакого волшебства не получится.

— Значит, самое время, чтобы туда поехать, — настаивал Роберт, — главное, чтобы ты решился.

— Ты думаешь, нам это удастся?

— Конечно. Нужно прихватить с собой веревку. Выжжем газ, посмотрим, что там такое, сфотографируем и вернемся.

— Там питонов полно. Можно и поохотиться, мясо у них такое вкусное, — размечтался Коп Фен. — Только очень уж далеко ехать, да и дорога опасная. Мео¹ засады устраивают.

— Я рожден под счастливой звездой, — рассмеялся журналист, — меня называют Робертом Счастливым. Будь спокоен, все будет в порядке.

Стерня кончилась, теперь они взбирались по крутому склону холма, на котором, окруженная живой изгородью из терновника, возвышалась вилла губернатора. Повсюду валялись старые ящики из-под патронов, промасленная бумага, винтовочные гильзы и ржавые обожженные металлические ленты от пулеметов. Загрел металл, рыжие

¹ Мео — одно из племен Индокитайского полуострова.

крысы бросились вниз, к ямам, из которых раньше выбирали глину. Зной угнетал, бумага на жаре скручивалась, тихо шуршала, кузнечики падали с сухим треском и, испуганные, тяжело улетали. Нагнувшись, чтобы взглянуть на машинописный документ с большими печатями, Роберт почувствовал зловоние, исходившее от разлагающегося трупа. Сладковатый, тошнотворный запах напоминал о войне.

Коп Фен остановился и показал на полуобгрызенные, черные от засохшей крови ступни, высывающиеся из-под груды осыпавшейся земли.

— Они расстреливали и бросали трупы сюда. А землей засыпали потом, взрывая заряд динамита.

— Это ваш человек? Так почему же вы его не похоронили как полагается?

— Кто же знает, кого здесь расстреляли? Говорят, что это какие-то городские, но никто этих смертников не знал. Королевские солдаты вылавливали их по деревням. Скорей всего, они были нездешние.

Под лучами палящего солнца человеческие мышцы превращаются в твердые черные волокна, с трудом поддающиеся крысиным зубам. Рассказать бы об этом дома, да кто из коллег захочет дослушать до конца... Замахают руками: оставь, сами видели, столько раз и здесь, у нас, находили сотни трупов в присыпанных землей рвах. Какое нам дело до этого дикаря? Еще и подтрунивать начнут! Вот если бы, мол, это оказался ты — но ведь не было случая, чтобы ты не выкрутился. Ведь надо же — будто предвидел, что именно во Вьентьяне начнутся волнения, что произойдет революция!

Кем был этот человек? За что его убили? Возможно, он скрывался от облавы, которую устроили правительственные войска, а может, бежал куда глаза глядят... Этого было вполне достаточно, чтобы его задержали, а потом изощренно пытали, но он ни в чем не признался, только дико выл... Как его после этого выпустить — он весь в крови, а полиция ошибаться не может, и, чтобы его окончательно утихомирить, потребовалась всего одна пуля.

Роберт попытался сосчитать глубокие воронки, сплошь изрывшие красноватый склон. Они напоминали фотографию луны, их оказалось двадцать три. Значит, под этой свалкой, под грудой бумаг и ржавых консервных банок, скрывалось много безымянных могил. Уходя, он еще раз оглянулся на торчавшие из-под осыпавшейся глины ноги, похожие на старые корни: пальцы были поджаты, как будто их щекотали, невыносимо раздражая, крысиные зубы.

14 Роберт с сопровождающим его солдатом поднимались наискосок по склону; комки глины, скатываясь и рассыпаясь, шелестели мятыми бумажными листами. Зловоние больше не ощущалось,— тут, на высоком месте, дул ветерок, доносивший запахи амбаров, спелого зерна и сытости.

— Ты знал, что мы тут увидим? — спросил Роберт солдата.

— Знал...

— Так вот почему ты хотел идти по тропинке у ручья!

— Нет, я и вправду люблю смотреть на купающихся девушек.— Коп Фен растянул губы в широкой улыбке.

Они вошли в хозяйственные пристройки дома со стороны кухни, перед которой лежал связанный пятнистый кабанчик. Повар нежно поглядывал на его голубой глаз со светлыми ресницами, точа нож о каменную ступеньку. Дальше стояли зеленые, сложенные четырехугольником ящики со снарядами. Двое часовых, подстелив солому, спали тут же на полу. Солдаты прижимали к груди автоматы, будто любовниц, чтобы и во сне чувствовать их близость. К углам ящиков были привешены сохнувшие полотенца с вытканными на них словами о победе революции.

Роберт остановил Коп Фена: ему не хотелось испугнуть девушку, которая, видно, только что вернулась с купания, потому что обеими руками отжимала мокрые распущенные волосы. Небольшого роста, стройная, она изогнулась словно в танце и, напевая, босой ногой отбивала ритм. Девушка была в длинной, до щиколоток, черной юбке, туго обтягивающей узкие, мальчишеские бедра.

— Кто это?

— Нравится? — ухмыльнулся солдат.— Можешь заказать ее себе на ночь...

— Проститутка?

— Нет. Эта придет, только если сама пожелает. Она от мужа убежала. Свободна.

Из приемника лилась мелодия слоу-фокса, низкий голос жаловался на английском языке, что он кого-то ждет в затянутом туманом порту. Девушка жестоко обращалась со своими волосами, она не расчесывала их, а просто раздирала гребнем.

— Тари! — окликнул ее солдат.

Девушка быстро оглянулась, обнаженные смуглые груди ее упруго дрогнули, сверкнули на коже упавшие с волос капли.

Девушка что-то быстро сказала по-лаосски, и Коп Фен

ной офицера. Танцую, пою, учу девушек, сейчас организовала ансамбль. Гражданские заповеди, когда их произносит, да еще стихами, красивая девушка, легче усваиваются. Нам аплодируют, мы нравимся, нас страстно желают, а заколоть волосы серебряным гребнем, груди снова обнажились, притягивая взгляд.

— Она говорит по-французски? — шепнул Роберт солдату.

— Говорит, — засмеялась девушка, — и просит, чтобы к ней обращались «мадам».

Роберт воодушевился: была возможность разговаривать без посредников и обойтись без свидетелей.

— У вас очень хорошее произношение, — начал он.

— В нашем доме даже к слугам обращались по-французски, к тому же у меня была учительница из Парижа.

— Меня зовут Роберт Маляк, я журналист. А вас?

Ладонь у нее была узкая, но рукопожатие было по-мальчишески крепким.

— Я вдова. Правда, мой муж еще жив — когда пришли партизаны, он удрал с американцами. Но для меня он умер. Я к нему не вернусь. Я останусь здесь, на освобожденной территории.

— А что вы здесь делаете, среди солдат?

— Надоели они мне, как москиты, но я близко не подпускаю их... Правда, я к ним привыкла, ведь я была женой офицера. Танцую, пою, учу девушек, сейчас организовала ансамбль. Гражданские заповеди, когда их произносит, да еще стихами, красивая девушка, легче усваиваются. Нам аплодируют, мы нравимся, нас страстно желают, а мы можем этого не замечать. Наконец-то я свободна. — Эти слова она подчеркнула. — Вам этого не понять, ведь вы никогда не были товаром на продажу.

— Я знаю, что здесь жену покупают у ее родителей.

— Или вынуждают их продать ее, а отказом можно нажить неприятности. Мой муж меня выкрал. Замотали голову тряпьем — и в охапку. Вывезли на грузовике. «Повизгивает, хрюшечка», — смеялись. «Узнает, что такое кабанчик, так и смиритесь со своей судьбой, будет еще корыто похваливать».

— А убежать было нельзя?

— Солдаты только этого и ждали. Это вам не Патет Лао, а головорезы-наемники, «веселые парни», которые живут только сегодняшним днем. Король, хотя они его вроде бы должны защищать, и тот старается не ссориться с ними.

— А ваши родственники?